

Беседы о жизни и творчестве П. И. Чайковского*)

IV симфония

„Вы спрашиваете меня, есть ли определенная программа этой симфонии?—пишет Чайковский Н. Ф. фон-Мекк в 1873 году.—Обыкновенно, когда по поводу симфонической вещи мне предлагают этот вопрос, я отвечаю: никакой. И в самом деле, трудно отвечать на этот вопрос. Как пересказать те неопределенные ощущения, через которые переходить, когда пишется инструментальное сочинение без определенного сюжета? Это чисто лирический процесс. Это музыкальная исповедь души, на которой много накопело и которая по существенному свойству своему изливается посредством звуков, подобно тому, как лирический поэт высказывается стихами».

Правда, в дальнейшем изложении письма Чайковский пытается все же дать некоторые объяснения к содержанию отдельных частей. „Разумеется, я могу это сделать только в общих чертах,“—пишет композитор. С представлением о роковой силе, «которая мешает порыву к счастью дойти до цели, которая.. как Дамоклов меч, висит над головой и неуклонно, постоянно отравляет душу», связано содержание порывистой и стремительной 1-ой части с ее основной трагической фанфарной темой. Жизнь—«непрерывное чередование тяжелой действительности со скоропроходящими сновидениями и грезами о счастье...»

Лирической меланхолией, тихой грустью пронизана II часть симфонии—задушевная русская песня. „И грустно, и как-то сладко погружаться в прошлое,“—пишет о ней Чайковский. Третья часть, по его словам, «капризные арабески, неуловимые образы.. на душе не весело, но и не грустно. Ни о чем не думаешь, даешь волю воображению, и оно почему-то пустилось рисовать странные рисунки... Среди них вдруг вспоминается картина подкутивших мужичков и уличная песенка.. Потом где-то вдали прошла военная процессия. Это те совершенно несвязные образы, которые проносятся в голове, когда засыпаешь». Последняя IV часть, развертывающаяся на теме популярной народной песни „Во поле березонька стояла“,—итог всех мыслей и переживаний. „Если ты в самом себе не находишь мотивов для радостей, смотри на других людей. Ступай в народ. Трагическая роковая тема врывается и в эту часть, нарушая ее празднично ликующий характер. Но личное горе тонет в вихре радостного веселья окружающих. „Пений на себя и не говори, что все на свете грустно. Есть простые и сильные радости. Веселись чужим весельем. Жить все-таки можно“. Так характеризует содержание IV симфонии сам композитор.

В истории развития инструментально-симфонического творчества Чайковского, а также и в развитии инструментально-симфонической культуры вообще появление IV симфонии—событие исключительное по своему значению. Если каждая из первых трех симфоний представляла собой новое слово Чайковского в области инструментальной музыки, то IV симфония явилась в этом отношении особенно ярким и многозначным явлением. Известный исследователь музыкального творчества Чайковского академик Б. В. Асафьев пишет об этом произведении: „Через десять лет после первой симфонии Чайковский создает свою „первую патетическую“, охваченную единым порывом четвертую симфонию... Эта симфония является уже в полной мере европейским произведением русской симфонической культуры“. Драматически напряженная, глубоко волнующая музыка четвертой симфонии входит в жизнь, как неистощаемый источник душевных сил и художественного вдохновения. Личный мир страданий, пафос лирической скорби и, вместе с тем, страстное желание слиться с жизнью всех, жить общими чувствами и думами раскрываются в IV симфонии в виде глубокой, музыкально-жизненной психологической драмы. Колорит скорби не мешает яркому проявлению радостной любви к жизни и человеку.

Начиная с IV симфонии, наступает еще более совершенный путь Чайковского—симфониста, путь к следующим его вершинам: симфониям V-й (80-е годы) и VI-ой—последней симфонии Чайковского. Чайковский начал свою работу над IV симфонией в мае 1877 г. в Москве, закончил в декабре в Италии. Непосредственно с этой работой сопрягается и начало работы Чайковского над его оперой „Евгений Онегин“. Симфония посвящена Чайковским его другу Н. Ф. фон-Мекк. В ряде писем к ней он пишет о том, как протекает работа. Замысел IV симфонии и его осуществление глубоко волнуют композитора. «Я не только усидчиво занимаюсь над инструментальной нашей симфонией, —пишет он в декабре 1877 г. к Н. Ф. Мекк,—но поглощен этой работой. Никогда еще никакое из прежних оркестровых моих сочинений не стоило мне столько труда, но никогда еще я с такой любовью не относился к какой-либо своей вещи.. может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что эта симфония—недюжинная вещь, что она лучшее из всего, что я до сих пор сделал».

Е. Орлова,

старший научный сотрудник
Музея П. И. Чайковского.

*) Беседа четвертая; первая, вторая, и третья беседы помещены в №№ 61, 66, 70.